

НАША СТРАНА

Год издания 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 21 сентября 1985

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 21 de septiembre de 1985. No. 1834

НА ФРОНТЕ

... "Наша Страна" доживает свой век. Без крупной денежной поддержки не выдержит...

(Из письма А. А. Шталь-Хана от 15 мая 1958)

Милейший представитель "Православной Руси" в Буэнос Айресе жестоко просчитался. В минувшую среду газета вступила в свой 38-ой год издания. Выдержала... Выдерживает... И без всякой "крупной денежной поддержки". Своему выживанию "Наша Страна" — в разной мере — обязана многим. Но никак не в последнюю очередь — бесконечно жертвенному русскому журналисту В. К. Дубровскому (Левашеву).

Всеволод Константинович был кадетом Первого Кадетского Корпуса, выпуска, уже не состоявшегося, 1919 года. Он окончил 6-ой класс в 1918 году, уже при советской власти и уже не Первого Корпуса, а — "Военной гимназии", как все корпуса стали называться в течение того последнего учебного года — после Октября. В Белом Движении Всеволод Константинович был фельдфебелем Константиновского Военного Училища, несшего боевую службу более, чем училищную. В Галлиполи Обществом Офицеров был принят в Лейб-Гвардию Вторую Артиллерийскую Бригаду, куда и выпущен из Училища уже в Болгарии.

Его политическая работа началась со времени появления на эмигрантском горизонте И. Л. Солоневича, газету которого, издававшуюся в то время в Софии "Голос России" — как и все выходившие под разными названиями его газеты, — редактировал с 1936 года и до 1966-го; до дня своей смерти.

В период Второй Мировой войны работал в Министерстве Propagandy болгарского правительства, ведая антикоммунистической работой. За эту деятельность был приговорен болгарским "народным" судом к смертной казни — заочно. Поэтому он переименовал фамилию своего отца — Левашева — на фамилию своей матери.

Австрию В. К. Дубровский с женой Татьяной Владимировной покинули 1-го октября 1948 года. (Кстати, в день отъезда получили последнюю посылку народного монархиста А. Ф. Ключкина — несколько банок маргарина, который еще успели обменять на папиросы). Из Генуи пароход отчалил 10 октября и 27-го они были уже в Буэнос Айресе.

Газета только-только начинала существовать. Иван Лукьянович Солоневич был в отчаянном настроении, так как денег не было, ничего не клеилось, вокруг него не было никого, кроме сына Юры, в делах весьма непрактичного. Не было никакой уверенности в том, что газета пойдет, жить было не на что. В общем Дубровские попали в такое положение, что если бы не непреклонная воля и решимость Всеволода Константиновича во что бы то ни стало поставить газету на ноги и — главное — не оставлять И. Л. одного, они могли бы пожалеть о сделанном ими выборе. Ведь перед ними стоял

очень серьезный вопрос: куда ехать? В конце сентября они получили извещение от американского консульства о разрешении на въезд в США и на 7-ое октября были назначены на транспорт отходящий в Северную Америку. В те же дни представилась возможность получить визу в Аргентину и, зная, что И. Л. уже в Буэнос Айресе, они решили отказаться от визы в США и ехать в Аргентину.

Первое время было очень, очень тяжело. Понятно, что для того, чтобы только знать, идет ли газета, нужно было выпустить несколько номеров — надо было это выдержать и морально, и материально. Жили они первое время все вместе — в 45 км. от Буэнос Айреса, в небольшом селении, где И. Л. удалось найти домик в три комнаты. В город приходилось ездить каждый день — на поездки уходило по 7-8 часов и эти поездки изматывали физически. Стояло лето. Они же были одеты, хотя и в отрепья по здешним масштабам, но в отрепья зимние. Как они все это выдержали — только благодаря настойчивости. К марту положение стало уже проясняться. Стало очевидным, что газета пойдет. Начали поступать кое-какие деньги. Для пользы дела и большей продуктивности труда, Всеволод Константинович с женой переселились в город. Это было началом второго периода в истории их пребывания в Аргентине и существования газеты.

С этого времени, с 1-го апреля, газета уже стала на ноги. Она стала давать столько, что, кроме оплаты типографии, оставалось кое-что на жизнь Ивану Лукьяновичу и Дубровским. Юра Солоневич стал работать в одном аргентинском журнале и таким образом существование и газеты и общее можно было считать обеспеченным. Спустя почти год, год напряженной работы, можно было считать, что газета стоит уже более или менее твердо. Книга "Диктатура импотентов" оплатила собственное издание, но деньги на ее выпуск были заняты и потому она реальной помощи не принесла. Совершенно ясно, что газету удалось поставить на ноги только благодаря упорству и вере В. К. Дубровского в конечный результат работы, но кроме того, и благодаря тому, что он сумел найти и привлечь к сотрудничеству почти всех старых представителей и контрагентов "Голоса России", которые относились к газете, как к своему делу. Очень трудно было наладить получение денег — ведь ни из одной страны, кроме США, денег получить было нельзя. Приходилось прибегать к различным комбинациям и так или иначе деньги переводить. Плохо было и то, что в течение этого года несколько человек из новых представителей не отчитались. Но, все-таки, газета жила!

Что касается жизни Ивана Солоневича и Дубровских, то она была,

конечно, менее обеспечена и менее стабильна, чем жизнь самой газеты. Жизнь газеты — на первом месте, а они довольствовались тем, что от нее оставалось. Поэтому жилось им туго. Правда, они не голодали, как в Парше, но дальше оплаты комнаты и питания их возможности не шли. За первые пятнадцать месяцев они сумели сделать только один костюм Всеволоду Константиновичу — в паршевском просто нельзя было показаться в городе — но и тот еще не был до конца выплачен, да два платья Татьяне Владимировне. Причем, одно из платьев — подарок народной монархистки Марины Сергеевны Кингстон. Так что, жилось не блестяще. "Нам нужно еще только хотя бы пятьсот подписчиков — тогда картина будет иной", говаривал Всеволод Константинович.

Жизнь его была заполнена целиком и полностью газетой. Для личной жизни он с женой не имели ничего. Вся работа по газете лежала на них двоих. И. Л. был занят творчеством и подбором материала. Все же остальное делалось ими, начиная с того, что Татьяна Владимировна переписывала все материалы для газеты заново, так как в типографии капризничали и нечетко напечатанного материала не брали. Затем составление номера, корректура, верстка и, наконец, экспедиция — лежали тоже на них. Все это отнимало массу времени, так как массу времени брали поездки по городу, а в особенности к И. Л. Но это ведь только часть работы, так как главное и основное это организация сбыта и реализация, так сказать, дохода. Это требовало колоссальной переписки. У Всеволода Константиновича было 112 представителей во всех буквально странах мира. С ними необходимо было поддерживать контакт, вести учет, находить способ получения от них денег и т. д. Кроме того, по примеру прошлых лет Дубровский не оставлял ни одного письма подписчиков без ответа, беря на себя часть труда И. Л. Таким образом, корреспонденция являлась самой сложной и самой важной частью его труда. Времени не хватало. Он вставал в 5 часов утра и весь день, каждую минуту посвящая только газете, а ложился около 12-ти ночи, стараясь как-то выгадать хотя бы 5 часов сна. Кроме чисто административной деятельности на нем лежало еще очень многое, что можно было бы назвать секретарством И. Л., так как Солоневич в городе почти не бывал и все от его имени делал Всеволод Константинович.

Можно сказать, что если бы не моральное удовлетворение и сознание того, что дело поставлено на ноги и его надо еще поддерживать, чтобы оно с этих ног не скovyрнулось — нехватило бы сил. Тем более, что наряду с моральным удовлетворением — никакого материального.

Но был еще один фактор. "Слава Богу — писал Дубровский — в лице своей жены я имею врного друга и помощницу, безропотно переносящую эту тяжелую жизнь, не имея ничего для себя, лишнюю в свои 25 лет почти всех удовольствий — даже и кино является для нас редкостью (а когда попадем туда — все удовольствие жене отравляется тем, что я начинаю засыпать!.. — не потому, что я не люблю кино, а потому, что мне не хватает сна).

Александр Федоровичу Ключкину 16 декабря 1951 Всеволод Константинович писал: "О нашей жизни Вы, вероятно, знаете более или менее подробно. Жизни в сущности нет. Есть газета. И этим исчерпывается все. Очередному номеру газеты, его выпуску — подчинено все. И вся наша жизнь — с утра до вечера, изо дня в день, связана только с этим. Не подумайте только, что я ропщу. Конечно, нет. Газета для меня все. Я люблю это дело и с удовольствием посвящаю ему все время и все мысли. Бог послал мне счастье в том отношении, что и Таня сумела полюбить это дело и отдает ему совсем еще юную жизнь с той же легкостью и радостью, что и я. В этом, конечно, мое большое счастье. Вдвоем мы несем на себе всю эту тяжесть, а это возможно, разумеется, лишь при таком подходе к делу, как наш".

И. Л. Солоневич, несмотря на порою возникавшие мелкие разногласия доверял В. К. Дубровскому безгранично. Отношения, начавшиеся в 1936 году, когда И. Л. обосновался в Софии, где решил издавать свою собственную газету, на чисто деловой базе (в то время Дубровский имел свою наборную с русским шрифтом при болгарской типографии и собственноручно набрал первый номер "Голоса России") переросли в неразрушимую боевую дружбу.

После взрыва в Софии в 1938 году, убиравшем Тамару Солоневич и Колю Михайлова, И. Л. с сыном решили искать убежища в наиболее в те времена могущей гарантировать безопасность стране — в Германии. И. Л. решил оставить издание газеты в Софии, передав целиком Дубровскому ведение всего дела, изо всех своих и старых и новых знакомых отдав предпочтение ему. В 1938-41 г. г. Дубровский несколько раз посещал Солоневичей в Германии. Причем И. Л. постоянно повторял свою фразу о том, что в эмиграции он нашел только одного человека. Всеволода Константиновича.

Вступая в 38-ой год своего пребывания на русском фронте "Наша Страна" не забывает о тех, кто вдохнул в нее жизнь — жертвуя собственной.

Не забудет о них и наша страна.

РЕДАКЦИЯ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ОШИБКИ

Атакуя Е. Кармазина в № 1830 "Нашей Страны", Н. Нефедов неудачно начинает с критики названия статьи этого последнего, "О будущем устройстве государства", которое, оказывается, дано не автором, а редакцией. Название само по себе, по нашему разумению вполне уместное и подходящее; но, разумеется, Е. Кармазин за него никак не отвечает. Ну, — будем считать, что тут досадное недоразумение!

Хуже обстоит с дальнейшим. Нефедов называет Б. Суварина советским эмигрантом, ибо тот "эмигрировал из Советской России в 20-х годах". В 20-е годы из СССР выпускали прибалтов, поляков и всяческих иностранных подданных, и с ними выехало много русских. Иные играли потом в Зарубежье важную роль; например, ныне здравствующая поэтесса И. Одоевцева, ее покойный муж, поэт Г. Иванов, романистка Н. Берберова, поэт и литературный критик В. Ходасевич. В те же годы выслали целую группу ученых, включая Н. Бердяева, Г. Федотова, А. Карташева. Никто никогда не оспаривал их принадлежности к первой эмиграции. Более того, исходя из времени выезда, по системе Нефедова, пришлось бы назвать советскими эмигрантами всю нашу вторую волну, к которой и я имею честь принадлежать; а мы бы это приняли как тяжелое оскорбление. Вопрос лично о Суварине, его взглядах и деятельности я оставляю здесь в стороне; его бы надо обсуждать отдельно. То, что он принял французское подданство, опять же, роли не играет: немалое число беженцев натурализовалось во Франции и в иных странах.

Но плохо то, что Нефедов раз за разом прибегает к широкому, неоправданному обобщениям; тем более недопустимым, что они часто носят отрицательный характер, обидный для больших групп эмиграции. По вопросу, кого вообще именовать русскими эмигрантами, тоже трудно с ним согласиться. Евреи из первой эмиграции, включая безусловно патриотически настроенных, вплоть до участников Белого Движения, получали один и тот же с великороссами кансеновский статус, с тем же определенным *refugié russe*,

которое, собственно, значит "российский эмигрант"; поскольку указывает бывшее подданство, а не этническую национальность. Так и насчет упоминаемых Нефедовым испанских цыган: за ними (как и за басками или каталонцами) и жители иных стран, и сами испанцы безусловно признают испанское гражданство.

"Так называемая третья волна ничего общего с Русским Зарубеьем не имеет", беспелляционно заявляет Нефедов; добавляя, правда, сразу, что бывают мол исключения. Исключений набралось бы столько, что они опрокидывают всю его схему! Ибо во-первых к данной волне относится множество русских, а во-вторых есть немало евреев, настроенных, примерно, как мы. Не буду пытаться составлять списки: понадобилось бы несколько страниц (имея в виду только более или менее известных!).

Обвинять же евреев, что они интересуются еврейскими делами, — нелогично и несправедливо. Можно думать, что калмыки или татары, хотя бы стоящие на позиции единой Российской Империи, тоже в первую очередь думают о судьбе своих народов, своих земляков и единоверцев. Можно ли на них за это обижаться?!

Нефедов брюзгливо впадает в мелочи, какие мы не стали бы обсуждать, — но, раз он хочет, обсудим! Какой ресторан имеет право называться русским? Полагаем, любой, где сервируют русские блюда (хотя бы наравне с другими); тем более, если там говорят по-русски; а если хозяин черкес или еврей, ничего не меняется. Вот если кухня в нем специально грузинская или армянская, то его правильнее называть *кавказским*; а *еврейский*, — это таковой, где соблюдают сложные и строгие еврейские предписания о ритуальной пище. Затем, можно ли требовать, чтобы русский ресторан во Франции или в США соблюдал право славные посты или закрывался на русские праздники? Ведь часть клиентов, неизбежно, — иностранцы, и это бы их отпугивало; да и не все русские — верующие. Ресторан, все же, дело коммерческое, а не идеологическое; с чем нельзя не считаться.

Конкретный пример. Один из лучших русских ресторанов Парижа

— "Доминик", которым владел недавно скончавшийся Лев Аронсон, убежденный монархист, долголетний сотрудник журнала "Возрождение". Никто никогда не называет этот ресторан *еврейским*!

В более важном вопросе о русофобском и антинациональном характере нынешней русскоязычной прессы, под пером Нефедова перемешано верное с вовсе неверным. Увы! *вниманием России в грязь* (как он выражается) заняты отнюдь не одни евреи. "Континент" издается В. Максимовым, "Страна и Мир" — К. Любарским, "Синтаксис" — М. Розановой, женой Синявского, играющего в нем ведущую роль; "Русская Мысль" — неупоминаемая Нефедовым, но ничуть не лучшая, чем другие, — И. Иловайской. Не объясняется ли их линия волей тех кругов, которые их финансируют? А деньги идут — не из Израиля.

Что до третьей волны в целом, если бросить на нее трезвый взгляд (как сделал, в частности, А. Солженицын), видно, что налицо некое широкое, политиканствующее меньшинство, и основная масса, куда более консервативная и умеренная, далеко не одобрительно к данным вожакам относящаяся. И легко понять, что, выступая против третьей волны сплошь или против евреев огулом, мы как раз льем воду на мельницу вожаков. Ибо мы тогда отталкиваем тех, кого бы не надо: людей, уже нам сочувствующих (которых порядочно) и то пассивное большинство, с которым о многом можно бы говорить (если не пугать его антисемитическими выкриками!).

Другое еще удивительно. Не знаем, где был раньше г-н Нефедов (а ведь он, видимо, старый эмигрант)? Как он не заметил, что поношение царской России шло на полный ход, начиная с 20-х годов, на страницах не только "Социалистического Вестника", но и "Современных Записок", и "Последних Новостей", и книг всякого сорта, — мемуаров, исторических исследований, романов? Ведь в том же номере "Нашей Страны" Л. Барат-Баранов приводит жалобу П. Краснова на русскую интеллигенцию (хотя, на деле-то, речь идет лишь об левом ее секторе)! Как не грустно, а демагоги из новейшей

эмиграции ничего нового не открыли; разве что подвели марксистский базис под старые бредни врагов России.

На выпады г-на Нефедова против "Голоса Зарубежья", журнал авось сам ответит. Но он делает, в газете "Русская Жизнь" прозрачный намек (не называя, впрочем, меня по имени) будто я не монархист, а непредрешенец. Кто меня знает, враги и друзья, в такую чушь не поверят; но для других, уточню. Попав в эмиграцию после Второй Мировой, я писал во всех основных монархических органах, как "Русский Путь" под редакцией Е. Ефимовского в Париже, "Знамя России" под редакцией Н. Чухнова в Нью Йорке и "Наша Страна", не считая менее долговечных, как "На Переломе" в Германии и "Русский Ключ" в Италии, а также в "России", "Возрождении" и "Русском Воскресении", которые себя открыто не объявляли монархическими, хотя ими и были (а что не объявляли, не моя была вина!). Кроме того, я писал в десятках газет и журналов, в том числе непредрешенческих, как "Новое Русское Слово" и "Единение"; часто на темы, совсем не связанные с политикой. Начал же я свою карьеру (даю в руки Нефедову мощное оружие!) в журнале народного социалиста С. Мельгунова "Свободный Голос"; но тогда это был единственный во Франции русский журнал, открыто борющийся с большевизмом.

Может быть, г-н Нефедов думает, что монархический журналист должен писать только о политике, и только — в монархических органах. Можно бы уважать такой взгляд (хотя я и не могу его разделять). Однако, где и когда он сам писал что-либо в защиту монархии? Я никогда у него подобных мыслей не встречал; если он мне укажет, — буду благодарен.

У меня же, во всем что я когда-либо писал, пусть он найдет хотя бы одну строчку против монархической идеи или несогласную с монархическим мировоззрением! Боюсь, это ему не удастся... А за монархию я, как уж умел, писал, говорил и действовал всегда.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

О ЦИТАТАХ

Пару лет назад, прогуливаясь по малоллюдным, боковым улицам Мюнхена, я впервые встретился с "проявлением гитлеризма". На середине улицы стоял пьяный молодчик с поднятой правой рукой и кричал: "Хайль Гитлер", "немецкий народ любит Гитлера"... и т. д.

Через некоторое время вокруг него собрались случайные пешеходы, ругая детину и протестуя. Кто-то из них и позвал полицию. Через несколько минут появились полицейские, потребовали от нетрезвого нарушителя документы. Он оказался чехословацким туристом! Его скрутили и куда-то отвезли.

Затем однажды в западногерманской печати появились сообщения, что по ночам какие-то вандалы обливали еврейские кладбища, на мазав на памятниках густой несмываемой краской нацистские свастики и пресловутое "Хайль Гитлер".

Немецкая полиция развернула бешеную деятельность и вскоре

смогла арестовать преступников. Ими оказались... агенты из Восточной Германии.

Борясь на идеологическом фронте, коммунисты и их пособники всячески стараются опорочить, дискредитировать стойких антикоммунистов... Передо мной диссидентская русскоязычная "Страна и Мир" № 5, выходящая в Мюнхене под редакцией небезызвестных Любарского, Хазанова и Максимова. Номер посвящен "сороколетию победы над фашизмом".

После статьи Симона Визенталя, посвятившего всю свою жизнь поимке гитлеровских военных преступников, читаем: "Какая жалость, что Гитлер не победил". Эти слова приписываются антикоммунистическому журналу "Голос Зарубежья", на основании того, что в одной из его статей была приведена цитата английского писателя С. Грэма, пересказанная Романом Гулем.

Самозванные цензоры эмиграции

усмотрели в этом, видите ли, симпатии сотрудников "Голоса Зарубежья" к Гитлеру! Возмутителен метод, которым некоторые журналисты в эмиграции пытаются расправиться со своими не-единомышленниками. Но кто поверит, что сотрудники "Голоса", тоже принадлежащие к "третьей волне", как Дора Штурман, Е. Кармазин, Писарев, профессор М. Гольштейн, Ю. Фельштинский, профессор А. Опульский и другие, жалеют, что Гитлер не победил?

Те же сотрудники, которые не имели счастья приехать в эмиграцию в мягких спальнях вагонах по овирским путевкам, как сама редакторша журнала профессор В. Пирожкова, В. Рудинский, о. Д. Константинов, В. Кобылин и другие, бежали именно от ужасов тоталитарной диктатуры, чтобы жить в свободном мире и бороться именно против проявлений тоталитаризма.

Спрашивается, откуда у некоторых берется такое нахальство, так огульно обвинять?

Многие, кажется, забыли, что свободная русская и русскоязычная пресса — не являются комсомольским собранием с выступлениями павликов морозовых! Невольно вспоминается, мягко выражаясь,

"меморандумы", направленные из той же кухни против "Русской Мысли" и "Континента", желая, в конечном итоге, смену главных редакторов этих органов. Но протесты были настолько всесторонними, что "меморандумы" не имели успеха.

Так, в том же № 5 "Страны и Мира" находим "самиздатовскую" статью "Доходные игры" (корреспондент из Москвы благоразумно скрывается за инициалами М. Д.), которую свободно можем назвать доносом в советские органы уголовного розыска.

Корреспондент "Страны и Мира" в своем доносе описывает хищение государственной собственности, называя своим именем маленькое предприятие, именуя даже работающих сотрудников и методы грабежа.

Спрашивается, должен ли эмигрантский орган печати быть форумом и трибуной для сведения счетов разных уголовных мафий в Москве?

Гитлер же мне также гадок, как и те лица, которые желают обличить честных журналистов-антикоммунистов в "гитлеризме".

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

А. ФЕДОСЕЕВ

Народ, вожди, элита и демократия

(продолжение, см. № 1833)

МОНСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИСТИННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В чем выражается лишение народа его власти? Именно в том, что от него его "избранники" (управляющая государством элита) отнимает целый ряд функций, которые он может и должен выполнять сам. Более того, на протяжении истории и выполнял в периоды молодости и процветания государств. Я уже отмечал, что "избранники" народа отняли у народа функцию регулирования экономики и социально-экономических отношений. В результате ничто не становится столь постоянным, как экономическая депрессия и застой.

Когда эта функция выполнялась народом с помощью свободного рынка, то в ней участвовали миллионы мозгов и личных интересов. Можно ли сомневаться, что такое регулирование происходило бы именно в интересах народа и притом наиболее быстро и эффективно. Нетрудно наблюдать, как негибко, громоздко, замедленно и "не туда", происходит "регулирование" экономики государственной властью.

Если в условиях свободного рынка ошибка отдельного гражданина легко и быстро (немедленно) компенсировалась действиями миллионов других граждан, не отражаясь на жизни народа, неизбежные ошибки и некомпетентность государственной власти могут, буквально, "слопать шею" населению.

Совокупность действий миллионов граждан учитывает мельчайшие обстоятельства жизни по всей стране и движет страну в соответствии с равнодействующей миллионов волей в сторону наиболее оптимального соответствия интересам народа. Никакой государственной аппарат осуществить это не в состоянии. Любой набор гениальных государственных мозгов является абсолютным идиотом по сравнению с коллективным мозгом совокупности миллионов граждан.

Даже в такой функции, как социальное обеспечение, которая, казалось бы, бесспорно принадлежит государству, оно создает весьма страшные последствия для страны и народа. Переложив заботу о стариках, больных, нетрудоспособных на плечи государства, мы начали разрушать те незримые связи между людьми, которые были в основе прочной семьи, в основе дружбы и взаимопомощи людей. Те связи, которые создавали, в конечном итоге, нацию и народ. Семьи начинают разрушаться, превращаясь в "половинки". Люди превращаются во врагов друг для друга: начинается жестокая борьба людей, объединяющихся между собой не для жизни, а для единственной цели — "содрать" для себя побольше от государства. В этой борьбе больше всего страдают именно те, неспособные к борьбе люди, для которых социальное обеспечение создано, прежде всего. Появляются целые огромные слои общества, которые кормятся на самом этом деле, отрывая ограниченные ресурсы именно от тех, для кого они предназначаются.

Можно ли удивляться, что "вечные ценности" трудолюбия, дружбы, взаимопомощи, честности, милосердия постепенно разрушаются: все эти

функции становятся государственными, а граждане от них "освобождаются".

Каков бы ни был идеализм родителей в воспитании своих детей, он не может не пострадать, когда обеспечивает детей государство, оставляя родителей в стороне. Зачем уважать родителей, если они "беспольны". Как бы ни были плохи родители, государство может быть только много хуже в столь важных для страны функциях воспитания новых поколений.

Эта передача собственных функций граждан государству нарушает не только нравственные устои общества, но и, конечно, экономические. Американец А. С. Browfeld показал, что в 1978 году пятнадцать штатов с максимальными нормами социального обеспечения не только тратили на пособия на 20 % больше, но одновременно имели на 15 % больше безработицы и в три раза медленнее развивались, чем другие пятнадцать штатов, которые имели минимальный уровень выплат социального обеспечения. Оказалось, что передача функций социального обеспечения государству и ее увеличение приводит к увеличению безработицы и тормозит развитие общества. О росте инфляции можно и не говорить: она всегда сопровождает массовое получение людьми того, что они не заработали.

Конечно, никак нельзя винить "избранников народа" на Западе, что они стремятся лишить народ как можно большего числа его функций. Они просто стремятся улучшить управление государством, а это неизбежно требует расширения и укрепления государственной власти через соответствующий захват все новых и новых функций и через захват все большей и большей части национального дохода в свое распоряжение. Население же этому помогает, рассчитывая, что государственная справедливость Ивана Ивановича мистическим образом станет вне подозрений, если он попадет в государственный аппарат, став "избранником народа".

Указанная выше тенденция "избранников народа" есть тенденция любой власти, которой не поставлено специальных ограничений. Нет большой нужды много раздумывать, чтобы установить, что пределом расширения и укрепления власти государства (улучшения управления) на Западе и является единовластие социализма (или национал-социализма).

Все уже известные беды Запада, являющиеся прямым следствием лишения граждан права выполнять свои функции, достигли в странах социализма своего крайнего и отвратительного предела. Предела, который и будет причиной, как экономической, так и социальной, гибели социализма.

Единовластное государство социализма, ликвидировав частную собственность и капиталистов, взяло на себя, наряду с множеством других функций, важнейшие экономические (и социально) функции монопольного хозяина-предпринимателя, монопольного продавца, монопольного банкира. (Функции, которые на Западе захвачены государством еще не полностью). Этим самым социалистическое государство стало выразителем интересов ликвидированных насилием общественных слоев капиталистов-предпринимателей, торговцев

и банкиров. Как и капиталист-предприниматель, оно заинтересовано в минимальных зарплатах, в максимальных количестве и качестве труда, в отсутствии забастовок, в отсутствии такой помехи государственному управлению, как независимые профсоюзы. Имея в своих руках абсолютную полноту власти, социалистическое государство имеет все возможности для осуществления своих интересов. Следует тут же отметить, что указанные интересы социалистического государства весьма разумны и их осуществление безусловно ведет, по крайней мере, к экономическому процветанию страны. Вопрос только в том, можно ли их в этом случае осуществить. Ведь очень легко заметить, что интересы (личные) трудящегося населения страны прямо противоположны точно также, как у трудящихся и капиталистов. Любопытно, что интересы и самих управителей выражаются, практически, той же формулой: тащи с государства все, что можно. Так как государство есть нечто абстрактное, то эта формула превращается в: тащи с населения все, что можно.

Карл Маркс по своей исключительной марксистской глупости считал указанное выше противоречие "классовым" и невозможным в бесклассовом обществе социализма, в котором не будет главных носителей противоречия — капиталистов. Любопытно, что этим самым он отверг одно из принимаемых им положений диалектики, что всякое развитие осуществляется через борьбу противоположностей: в данном случае противоположности между капиталистами и трудящимися. Это, конечно, был грубый просчет. Противоположность не исчезла, а страшно усилилась, дойдя до противоположности между всем государством и всем населением. Хотя государство социализма имеет (вроде бы) на своей стороне всю огромную силу единовластия, но сила 140 миллионов трудящихся действует, как говорится, "на всю железку". Действует неорганизованно, стихийно, но крайне разрушительно. Эта сила противоречия не только не дает возможности социалистическому государству осуществить свои вполне разумные интересы, но двигает все общество социализма к разрухе вместо процветания. В стране социализма процветает безделье, воровство государственного имущества, бракодельство, блат, взяточничество, приписки и очковтирательство и т. п. Нет сомнения, что сила населения страны возьмет верх и тем ликвидирует социализм, т. е. своего абстрактного оппонента — социалистическое государство.

Мы (не Маркс) должны сделать только один вывод: функции хозяина предпринимателя, торговца, банкира должны быть, через возвращение частной собственности, возвращены гражданам, их миллионам. Они сами "решат" кому из них быть хозяином, а кому — работником, кому быть торговцем, а кому — покупателем, кому быть банкиром, а кому — вкладчиком или должником.

Не трудно сообразить, что не только абсолютная монополия указанных выше функций ведет к разрушительным противоречиям в обществе, но и их концентрация у огромных корпораций (или профсоюзов) и, тем более, у любых монополий ведет к усилению противоречий и к росту разрушительных тенденций в обществе, как это легко наблюдать

на Западе. Государственное устройство, законы, (Конституция) должны предусматривать наиболее равномерное распределение указанных функций среди всего населения. Именно в этом случае будет обеспечено максимальное процветание общества. В противном случае, трудящиеся, капиталисты-гиганты или капиталисты-монополисты вместе или раздельно, в виде государства или отдельных фирм будут разрушать общество. Наиболее мощным разрушителем является, конечно, трудящиеся, так как именно ими, в конечном итоге, создается все. Отказываясь добросовестно работать, трудящиеся все разрушают и страдают от этого разрушения больше всего и в первую очередь сами.

Смысл истинной демократии в том и состоит, что все те функции в жизни страны, которые могут выполняться самими гражданами (народом), ими и выполняются. Государственная власть выполняет в этом случае строго ограниченный перечень функций и ограничена в расходах и штатах, чтобы оставаться нашим (народа) слугой, не превращаясь в нашего хозяина, как это происходит сейчас на Западе (за исключением Швейцарии) и в полном виде произошло при социализме в СССР и в других странах.

Точно также истинная демократия (через свою Конституцию) не должна допускать образования экономических и политических монополий и гигантов, тоже нарушающих внутреннее равновесие общества и лишаящих граждан свободы выполнения их собственных функций. Истинная демократия характеризуется полной свободой конкуренции и соревнования.

Одной из главнейших функций государственной власти в истинной демократии становится организация обороны страны, обеспечение законности и порядка и полная ликвидация власти преступных и аморальных элементов над народом, которая нынче так характерна почти для всех стран мира.

Давайте сравним истинную демократию, демократию по древнему определению, т. е. представительную демократию, и социализм. Как решается, например, вопрос безработицы в трех этих случаях?

Социализм. Власть в Москве, конечно, не в состоянии знать, что, например, творится в захолустном городе Лодейное Поле. Вероятно и в Москве не знает, что такой город существует. У власти в Москве уйма забот и много более важных (и престижных) дел, чтобы обращать специальное внимание и предпринимать решения по поводу этого Лодейного Поля. Я бывал в такого сорта городках. Трудно себе представить всю глубину их нищеты и заброшенности. Дело в том, что в крупных населенных центрах безработица, которая свирепствует в Лодейном Поле, просто отсутствует. В эти крупные населенные центры направляются все главные капиталовложения в промышленность и в создание новых рабочих мест. В них обычно ощущается сильный дефицит рабочей силы, а не ее излишек. На всякую же "мелочь" вроде Лодейного Поля средств никогда не хватает.

Кстати и фараоны строили престижные пирамиды, а не скромные дома для населения, за что они и до сих пор пользуются у человечества почетом. Советские "пирамиды", ко-

нечно, не тягнутся с египетскими (уже не ново), но представляют собой вполне аналогичное явление: любому управителю хочется построить себе соответствующую "пирамиду" которую он себе и строит, поскольку имеет власть. Сталин в истории не был одинок, когда строил себе памятники вместо жилищ для населения. Власть есть власть.

За этими советскими "пирамидами" ни Лодейного Поля, ни многих тысяч других провинциальных городов с огромной безработицей просто не видно. Самое же главное не в безработице Лодейного Поля. Самое главное в том, что и в любом государстве можно было бы "решить" вопрос безработицы, понизив производительность труда и средний уровень жизни, взяв на работу всех за половинную или одну десятую нормальной зарплаты, как советская власть и делает. Советской власти, при этом, нет необходимости получать согласие на такие действия у населения или у его безголосых "избранников".

Подумайте, между прочим, какое огромное число противоречивых мнений и рецептов предложило бы население, если бы его советская власть стала бы спрашивать. Советская же власть "решает" все в момент, единовластно.

Таким образом, "решение" вопроса безработицы при социализме характеризуется следующим.

1. Решение не распространяется на все население, а лишь на привилегированную часть его, живущую в крупных индустриальных центрах.

2. Эта привилегированная часть тоже оказывается не слишком осчастливленной. Она работает, но ее зарплата нищенская.

3. Поскольку за "пирамидами" безработицы в Лодейном Поле не видно, то безработицы и "вообще нет". Следовательно, не должно быть и пособий по безработице.

4. Решение принимается единовластно и "единогласно" и быстро (с помощью всеобщего плана), но лишь по "назревшим" (не Лодейнопольским) вопросам.

Как "решает" этот вопрос представительная демократия Запада?

Для того, чтобы попасть в "избранники народа", нужно подкупить "народ" соответствующими обещаниями соответствующих благ для "народа". В представительной демократии, следовательно, обещания "избранников" определяются прямо числом голосов, которые можно по-

лучить за данное обещание. Ясно, что и в этом случае "Лодейное Поле" окажется за бортом: оно представляет слишком мало голосов. Кроме того, и в представительной демократии вопрос должен "назреть", т. е. достаточно много избирателей должно от него страдать прежде, чем у "избранников" появится желание его "решать". Однако тут одного желания одного "избранника" слишком мало. Нужно большинство голосов в Парламенте по данному вопросу. Сами понимаете, что получить у пары сотен весьма самостоятельных "избранников" в Парламенте одинаковое мнение (положительное) по одному вопросу крайне трудно. Хаос мнений в Парламенте лишь в меньшем масштабе отражает хаос мнений в "народе". Возможность целесообразного и своевременного решения Парламентом "избранников народа" любого существенного вопроса близка к нулю. "Избранники", как и народ, "кто в лес, а кто — по дрова". Вместо этого приходится Парламенту принимать "решения" совершенно противоположные тому, что целесообразно. Принимаются решения, по которым в народе есть единодушие. Какие же это "решения"? Все "решения", которые дают трудящимся (их большинство) те или иные блага: введение или увеличение пособий по безработице, повышение минимальной зарплаты, привилегий для женщин (их ведь половина среди избирателей), привилегии для "меньшинств" (они большие, "эти меньшинства" и объединены в своих интересах), законы, грабящие налогами "богачей" предпринимателей, законы, нагромождающие всякие ограничения на предпринимателей "в пользу трудящихся" (их большинство). Такие решения и проходят. Не трудно сосчитать, что такие "решения": 1. Понижают общественную производительность труда, понижая средний уровень жизни, так как все эти "блага" не компенсируются дополнительным производительным трудом трудящихся. 2. Эти "решения" душат налогами и правилами "в пользу трудящихся" "богачей" предпринимателей. Разоряют их, ликвидируют желание предпринимателей (и возможность тоже) вкладывать капитал в развитие производства. Тут еще поспеивает неправильно понятая "монетаристская" политика и душит предпринимательство окончательно ростовщическими процентами на займы.

Все эти "решения" (обязатель-

ные — иначе не станешь "избранником") нарушают социально-экономическое равновесие в стране в пользу наиболее многочисленной части населения — трудящихся. Это неизбежное в представительной демократии удовлетворение разрушительных личных интересов трудящихся не может не вести страну к упадку. Безработица, по понятным причинам, становится огромной, нищета растет, а не падает, растет неудержимо дефицит бюджета (нужды трудящихся не имеют границ).

Таким образом и представительная демократия возводит свои "пирамиды", создавая себе престиж в среде всеобщих трудящихся. Посмотрите, какой огромный и дорогой монумент себе воздвиг Франклин Рузвельт, сумев повернуть государство на путь нынешнего упадка с помощью нарушения общественного баланса сил в "пользу трудящихся".

Что удивляться, что многие люди, познавшие и советскую власть и представительную демократию, начинают отрешиваться не только от социализма, но и от демократии, вообще.

Как решает этот вопрос истинная демократия? Прежде всего, главные функции регулирования экономики находятся в руках самих миллионов граждан через механизм свободного рынка и конкуренции. Государственная власть обходится много и много дешевле и понятно, почему. Поэтому в руках граждан находятся почти все деньги и средства воздействия на экономику. Ни один слой общества не выделяется привилегиями по законам. Предприниматели не душатся налогами и правилами "в пользу трудящихся". Стать предпринимателем становится доступным любому гражданину. Зарплаты и цены регулирует конкуренция и они поэтому соответствуют наиболее оптимальным экономическим уровням. Никому нет нужды обращаться к "избранникам" за решением вопросов их жизни. Безработица сводится лишь к части, определяющей подвижностью работников при смене ими мест работы. Один гражданин решает вопрос своей безработицы получением профессионального образования или образования, вообще. Другой решает согласиться на пониженную зарплату. Третий создает свое собственное, пусть и примитивное, дело. Граждан-предпринимателей появляется уйма. Работа есть даже в "Лодейном Поле" и "Лодейному Полю" нет необходимости "вы-

бивать" из государства для себя привилегии или деньги.

Это и есть настоящая власть народа.

Противники демократии говорят, что "дай власть народу и никакого решения получить будет нельзя. Будет хаос и никакого согласия". Они правы, но только в том, как я уже показывал, что для народа не может быть и не бывает решения, одинакового для всех, чего добиваются эти противники демократии. Народу нужно столько различных решений, сколько есть граждан. Противники же демократии хотят получить согласие от всех на одно "решение". Его они и собираются получить с помощью неупоминаемого ими насилия со стороны некоего авторитета. Суть их ошибки в том и состоит, что для истинной демократии нет никакой необходимости получать всеобщее согласие. Каждый гражданин может действовать по своему через свободный рынок, двигая таким образом всю страну в оптимальном для всех направлении. "Согласие" получается без референдумов и голосований. Я думаю, что подкуп избирателей или воля вождя едва ли способны на более правильное решение.

Что касается организации обороны, то, при условии строгой централизации и единовластия командования, решения будут быстрыми и гибкими. "Избранники" же будут создавать сильнейший отпор всегда существующим у военных агрессивным силам при всеобщей поддержке населения, не желающего войны. Таким образом баланс и в этом случае истинной демократией обеспечивается.

Легко видеть, что понятия плюрализма, свободных выборов, разделения властей являются лишь наименее принципиальной частью понятия истинной демократии. Истинная демократия есть истинная власть народа самому решать свои дела. Она освобождает огромные, именно творческие, силы народа и ведет к материальному и духовному процветанию страны. Когда противники демократии утверждают, что народ есть стадо и ничего не умеет, то приходится их спросить, а откуда же они сами появились. Вероятно, с неба не сошли?

(окончание следует)

А. ФЕДОСЕЕВ

Волею Божией, 7-го сентября с. г., на 81-ом году жизни, после продолжительной болезни, скончался доктор, инженер

ГЕОРГИЙ ЭДМУНДОВИЧ ДОРН

о чем с прискорбием сообщает жена и дочь О. Г. Баранова с семьей

Единственный русский иллюстрированный журнал в Зарубежье

«Наши Вести»

Издается участниками Второй мировой войны
СОЮЗОМ ЧИНОВ РУССКОГО КОРПУСА

Редактор: Н. Н. ПРОТОПОВ

Выходит раз в три месяца.

36-ой год издания

Подписка: 12 долларов в год

Чеки выписывать на:

"NASHI VESTI", P. O. Box 4616, San Francisco, CA 94101, USA

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,13. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

НЕ ПРЕДАВАТЬ ЗАБВЕНИЮ

В рубрике "Мысли вслух" читатель "Нашей Страны" довольно часто встречается с разного рода суждениями, заслуживающими самого пристального внимания и даже изучения. Однако ценные мысли автора указанной рубрики никак не выделяются по шрифту и размеру, что способствует несправедливому забвению того, что следовало бы не только крепко запомнить, но и расширить, углубить в ходе дискуссий на страницах газеты. Идеи, заслуживающие серьезного изучения и обсуждения, подаются крайне сжато, фрагментарно. Вряд ли это соответствует правилу — "словам тесно — мыслям про-

сторно". В данном случае тесно мысли автора постоянной рубрики. Тесно и неуютно также словам, тонущим в однообразии шрифта и размера. Вероятно, изменение к лучшему — чисто технический вопрос.

Укажу, например: "Объективные предпосылки", № 1828, август 1985 года. По моему мнению автор должен развить свои мысли в обстоятельной статье и для этого следует дать простор и его мыслям и его словам. Иногда экономия места нецелесообразна, тем более, что во многих случаях она не вполне себя оправдывает — ведь не так много материалов содержащих новые и красивые идеи.

В. Георгиев (США)